

Из-под козырька его кепки...

20

Необходимость создания в Казани Татарского ПЕН-центра возникла в 1994 году. Для этого в конце года в Национальной библиотеке РТ мы собрали представителей творческой интеллигенции республики с единственным вопросом: нужна ли татарскому народу писательская организация, которая представляла бы его во Всемирной писательской организации – Международном ПЕН-клубе? Ответ был почти единогласным: да. «Почти» – потому что один человек воздержался. Кто бы, вы думали? Это был Туфан Миннуллин. Потом выяснилось: он просто не знал, что такое ПЕН-клуб и с чем его едят. Весной следующего года организация была создана, и для неё нужен был авторитетный президент. Мы с писателем Миргазияном Юнусом, как одни из организаторов, стали советоваться со сведущими людьми. Одним из них оказался советник Президента республики – Рафаэль Хакимов. Он без оговорок назвал Туфана Миннуллина. «Лучшей кандидатуры для лидера татарских литераторов в авторитетнейшей международной писательской организации нет», – сказал, как отрезал, Рафаэль Сибгатович. И мы с Миргазияном Юнусом направились к Туфану Абдулловичу домой объяснять и уговаривать. В итоге он стал первым президентом Татарского ПЕН-центра. В ноябре 1996 года в мексиканском городе Гвадалахара нас единогласно приняли в международное сообщество писателей.

Помню, на одном из собраний в Союзе писателей он говорил с трибуны приблизительно следующее: «Я, как соловей в своём лесу, пою для своего народа, и не надо мне никаких толмачей, мне дела нет до других лесов». Но время и обстоятельства меняют взгляды людей. И вот уже, будучи президентом Татарского ПЕН-клуба, он возглавляет работу по художественному переводу татарской литературы на английский язык, распространению её по всему миру; вместе с вице-президентом ТатПЕНА Разилем Валеевым (ныне – президент) выбивает деньги под новые и новые переводческие проекты, поездки на Всемирные конгрессы писателей, приглашение на свои конференции и «круглые столы» пернатых (от слова «перо») из французских, финских, московских «лесов». Такая динамика. Считается, одним из главных факторов художественной литературы является развитие, движение характеров её героев. Оказывается, не только героев, но и самих творцов тоже.

Поездки с Туфаном-ага Миннуллиным на Всемирные конгрессы писателей в Финляндию, Германию, Австрию запомнились, прежде всего, непринуждёнными беседами на совершенно различные темы, как конкретные, так и отвлечённые, можно сказать, философские. Надо признать, не все писатели готовы вести абстрактные разговоры. Большинство, так или иначе, сбиваются на конкретику, а в конкретике на проторённые тропы, на разработанные в своём творчестве или жизни темы. Конечно же, большим вопросом для него был национальный. Он выступал против смешанных браков, которые в России однозначно дают русскоязычное наследство, сворачивая численность любого другого народа, даже если в брак вступают, образно говоря, чуваш с удмуртом или башкир с грузином. Туфан-абый поведал, что, когда дочь была ещё подростком, он поставил перед ней ультиматум: «Если выйдешь замуж за человека другой нации, я тебе больше не отец, а ты мне – не дочь». «А когда бы такое, в самом деле, случилось? – спросил я. – Что, и правда, до конца жизни

*Справа налево: Разиль Валеев, Туфан Миннуллин, Ахат Мушинский.
Австрия, 2009*

порвали б с ней отношения?» – «Нет, конечно, – ответил он. – Дочь есть дочь, родная и единственная...» Так что теория теорией, а жизнь жизнью.

Из наших с ним бесконечно для меня интересных, порою полемичных, зачастую содержащих парадоксальные мысли, но всегда, в конечном счёте, плодотворных разговоров запомнилось, на мой взгляд, мудрое и в то же время по-житейски простое утверждение: человек для полноценного своего формирования должен пожить в семье, состоящей из трёх поколений – старших родителей, то есть деда и бабушки (на татарском дословно: большого отца, большой матери), собственно родителей и их детей. Если задуматься, то совершенно верно: «большие» родители должны в ежедневной и непосредственной близости повоспитывать внуков, присматривать за малышами, помогая работающим детям; дети же их, кроме родительских обязанностей, должны, показывая пример своим отпрыскам, ухаживать за престарелыми дедом и бабушкой, отдать дань доброты за свою жизнь и становление; ну а самые маленькие члены семьи, внуки, обязаны с благодарностью получить уроки воспитания от двух поколений своих «предков». В конце концов, жизнь человеческая не так продолжительна и подольше пожить всем вместе – это огромное счастье. Впрочем, существуют и другие мнения и разные в современной действительности возможности существования. Но для меня ближе туфановское утверждение, оно представляется мне самым человечным.

Позже эту мысль он развернул в одном из своих рассказов в сборнике «Незаконченный монолог. Жизнь в рассказах и мыслях вслух». Несколько его рассказов до этого я перевёл с татарского на русский язык и опубликовал в «Казанском альманахе». Потом они были включены в названную книгу, к которой по просьбе издательства я написал и предисловие. Книга Туфана Миннуллина имела колоссальный успех. Не в смысле широты охвата (тираж-то был небольшой), а в смысле глубины воздействия.

Кому посчастливилось прочесть её, свидетельствует: словно бы испил ключевой воды из нетронутого, чистого родника. Будучи всего лишь автором предисловия, я и сегодня, после нескольких лет выхода книги в свет, выслушиваю слова благодарности и впечатлений. Недавно вот позвонил читатель из башкирского города Межгорье. «Читаю, – говорит, – и слышу живой голос Туфана, просто и ясно растолковывающего такие непростые вещи, как любовь, верность, долг, честь, совесть, стыд... Вообще, без улыбки и одновременно без слёз читать его невозможно». А мне вспомнился далёкий, по выходе книги в свет, звонок автора. Туфан-абый поблагодарил меня душевно за предисловие. Для меня это было наивысшей оценкой моего скромного вклада в издание.

Я упомянул «Казанский альманах»... Весной 2006 года зовёт он меня в Госсовет, к себе в кабинет, и после обыкновенного разговора на наши обыкновенные темы – о делах ПЕН-клуба, выпуске книг говорит: «Задумали мы издавать в Казани литературно-художественный альманах на русском языке. Кому, как не тебе за это взяться...» Так, с нуля, стартовала новая идея. Даже ведь названия у предполагаемого издания не было. А к декабрю того же года идея в полном смысле слова материализовалась – в свет вышел первый номер «Казанского альманаха». Вот говорят, что Туфан Миннуллин заботился исключительно о татарской литературе, изданиях, вообще культуре только на своём родном языке. Рождение и жизнь «Казанского альманаха» опровергает подобное утверждение.

Говоря о наших неспешных беседах на темы не обязательно на злобу дня, нельзя не вспомнить телепрограмму «У зелёного камина», выходявшую на республиканском телевидении на протяжении десяти лет и шагнувшую из века прошлого в нынешний. Так вот, две наши продолжительные беседы у зелёного камина стали с помощью ТВ достоянием широкой публики и имели бесподобный резонанс. Камин и в самом деле были зелёные. Первые передачи стали сниматься у облицованного зелёной керамикой старинного камина в здании Союза писателей, потом программа переместилась в Национальную библиотеку РТ, так же бывший особняк, где нас ждало уже семь каминов на любой вкус и цвет. У живого огня, невзирая на нацеленные на нас объективы телекамер, беседы наши не имели показной характер, мы даже в какие-то моменты забывались (особенно я, ведущий программы) – настолько тема овладевала нами. Было такое впечатление, что мы продолжали давно начатый разговор, а выход в эфир – это просто продолжение диалога. Хотя тут, конечно, спрашивал только я, а он отвечал, рассказывал, размышлял...

И вот живой многолетний разговор прервался. Ни спросить, ни поделиться, ни посоветоваться...

...Помню, это было в австрийском городе Линце. Осень, холодно... Туфан-абый снимает со своей головы кепку с опускающимися «ушами» и надевает на мою, а себе новую покупает. Хожу я в ней теперь, и она продолжает отдавать мне его тепло, греть, прежде всего душу, и в голове моей бродят воспоминания, сожаления... В позапрошлом году позвал меня он к себе в Камское Устье на недельку, сказал: погуляем по берегу, как у тебя в Займище, поразговариваем, попишем... Не смог я поехать, ответил: в другой раз обязательно поеду. Другого раза-то уж не было и не будет никогда. Хожу вот и из-под козырька его кепки стараюсь смотреть его глазами на мир, на людей и их поступки. Иногда получается, иногда – нет, а порой даже думается: хорошо, что многого он теперь не видит.

Ахат Мушинский